

Выходит с сентября 2008 года.

Школьная страна

№ 2 октябрь 2018г.

Издание ГБОУ СОШ с. Ольгино для учителей, учеников и их родителей

ШКОЛЬНЫЕ НОВОСТИ

1. История Опры Уинфри.

2. Как быстро выучить стих?

3. Октябрь

4. Рассказ о будущем без литературы.

5. День учителя

История успешного человека

Опра Уинфри

*Для успеха тебе
нужен только ты*

/ Опра Гэйл Уинфри

В 2010 году телеведущая Опра Уинфри возглавила список самых богатых людей шоу-бизнеса и сейчас по-прежнему находится в тройке лидеров этой индустрии. Ее состояние в 2012 году оценивается журналом **Forbes в 2,7 млрд. долларов!** Она является первой и единственной чернокожей женщиной-миллиардером в истории человечества. Богатство теледиве принесло «Шоу с Опррой Уинфри», **побившее все известные рекорды по рейтингам.**

**«Для успеха тебе
нужен только ты!».**

Опру уволили с ее первой телевизионной работы: начальство решило, что на экране ее вид неуместен. Но Уинфри собралась с силами, продолжила работу и стала королевой телевизионных ток-шоу. И миллиардером. И у Вас все получится, если вы будете стараться!

Как быстро выучить стих?

1. Прочитать 2-3 раза вслух. А в процессе чтения стоит представлять картину, образ, дабы задействовать еще один вид памяти.
2. Переписать стихотворение на бумагу, проговаривая строчки.
3. Затем можно найти аудиозапись стихотворения или же собственно-ручно записать стихотворение на диктофон.
4. И, конечно, не стоит забывать про регулярность. 30% информации забывается в первый час после последнего повторения.

Следовательно, можно с легкостью вывести график запоминания материала.

Повторить через 15 минут после прочтения, через 30, через один час, через два часа и уже на следующий день соответственно.

Интересный факт

Философ, социолог, экономист Карл Маркс обладал прекрасной памятью, но продолжал учить стихи на неизвестных ему языках.

А каким был октябрь?

Октябрь стал активным месяцем. Ученики всей школы дружно делали зарядку, параллельно изучая новые интересные движения. У средней и старшей школы мероприятие проводила учитель Алена Александровна, а у младшей – ученицы восьмого класса. Ведь осень — это не повод для грусти

Русские пословицы про октябрь

- Октябрьский гром — зима бесснежная.
- Если лист ложится на землю вверх изнанкой — к урожаю.
- С какого числа в октябре пойдёт година, с такого числа весна откроется в апреле.
- В октябре луна в кругу — лето сухое будет.
- К октябрю берёзы оголяются.
- Коли лист с дуба и берёзы упал чисто — лёгкий год, не чисто — к строгой, суровой зиме.

Майк Гелприн «Свеча горела»

Рассказ о нашем будущем без книг и любви к чтению.

Звонок раздался, когда Андрей Петрович потерял уже всякую надежду.

— Здравствуйте, я по объявлению. Вы даёте уроки литературы?

Андрей Петрович взгляделся в экран видефона. Мужчина под тридцать. Строго одет — костюм, галстук. Улыбается, но глаза серьёзные. У Андрея Петровича ёкнуло сердце, объявление он вывешивал в сеть лишь по привычке. За десять лет было шесть звонков. Трое ошиблись номером, ещё двое оказались работающими по старинке страховыми агентами, а один попутал литературу с лигатурой. — Д-даю уроки, — запинаясь от волнения, сказал Андрей Петрович. — На дому. Вас интересует литература?

— Интересует, — кивнул собеседник. — Меня зовут Максим. Позвольте узнать, каковы условия.

«Задаром!» — едва не вырвалось у Андрея Петровича.

— Оплата почасовая, — заставил себя выговорить он. — По договорённости. Когда бы вы хотели начать?

— Я, собственно... — собеседник замаялся.

— Первое занятие бесплатно, — поспешно добавил Андрей Петрович. — Если вам не понравится, то...

— Давайте завтра, — решительно сказал Максим. — В десять утра вас устроит? К девяти я отвожу детей в школу, а потом свободен до двух.

— Устроит, — обрадовался Андрей Петрович. — Записывайте адрес.

— Говорите, я запомню. В эту ночь Андрей Петрович не спал, ходил по крошечной комнате, почти келье, не зная, куда девать трясущиеся от переживаний руки. Вот уже двенадцать лет он жил на нищенское пособие. С того самого дня, как его уволили.

— Вы слишком узкий специалист, — сказал тогда, пряча глаза, директор лицея для детей с гуманитарными наклонностями. — Мы ценим вас как опытного преподавателя, но вот ваш предмет, увы. Скажите, вы не хотите переучиться?

Стоимость обучения лицей мог бы частично оплатить. Виртуальная этика, основы виртуального права, история робототехники — вы вполне бы могли преподавать это. Даже кинематограф всё ещё достаточно популярен. Ему, конечно, недолго осталось, но на ваш век... Как вы полагаете? Андрей Петрович отказался, о чём немало потом сожалел. Новую работу найти не удалось, литература осталась в считанных учебных заведениях, последние библиотеки закрывались, филологи один за другим переквалифицировались кто во что горазд. Пару лет он обивал пороги гимназий, лицеев и спецшкол. Потом прекратил. Промаялся полгода на курсах переквалификации. Когда ушла жена, бросил и их. Сбережения быстро закончились, и Андрею Петровичу пришлось затянуть ремень. Потом продать автомобиль, старый, но надёжный. Антикварный сервис, оставшийся от мамы, за ним вещи. А затем... Андрея Петровича мучило каждый раз, когда он вспоминал об этом — затем настала очередь книг. Древних, толстых, бумажных, тоже от мамы. За раритеты коллекционеры давали хорошие деньги, так что граф Толстой кормил целый месяц. Достоевский — две недели. Бунин — полторы. В результате у Андрея Петровича осталось полсотни книг — самых любимых, перечитанных по десятку раз, тех, с которыми расстаться не мог. Ремарк, Хемингуэй, Маркес, Булгаков, Бродский, Пастернак... Книги стояли на этажерке, занимая четыре полки, Андрей Петрович ежедневно стирал с корешков пыль. «Если этот парень, Максим, — беспорядочно думал Андрей Петрович, нервно расхаживая от стены к стене, — если он... Тогда, возможно, удастся откупить назад Бальмонта. Или Мураками. Или Амаду».

Пустяки, понял Андрей Петрович внезапно. Неважно, удастся ли откупить. Он может передать, вот оно, вот что единственно важное. Передать! Передать другим то, что знает, то, что у него есть. Максим позвонил в дверь ровно в десять, минута в минуту.

— Проходите, — засуетился Андрей Петрович. — Присаживайтесь. Вот, собственно... С чего бы вы хотели начать?

Максим помаялся, осторожно уселся на край стула.

— С чего вы посчитаете нужным. Понимаете, я профан. Полный. Меня ничему не учили.

— Да-да, естественно, — закивал Андрей Петрович. — Как и всех прочих. В общеобразовательных школах литературу не преподают почти сотню лет. А сейчас уже не преподают и в специальных.

— Нигде? — спросил Максим тихо.

— Боюсь, что уже нигде. Понимаете, в конце двадцатого века начался кризис. Читать стало некогда. Сначала детям, затем дети повзрослели, и читать стало некогда их детям. Ещё более некогда, чем родителям. Появились другие удовольствия — в основном, виртуальные. Игры. Всякие тесты, квесты... — Андрей Петрович махнул рукой. — Ну, и конечно, техника. Технические дисциплины стали вытеснять гуманитарные. Кибернетика, квантовая механика и электродинамика, физика высоких энергий. А литература, история, география отошли на задний план. Особенно литература. Вы следите, Максим?

— Да, продолжайте, пожалуйста. — В двадцать первом веке перестали печатать книги, бумагу сменила электроника. Но и в электронном варианте спрос на литературу падал — стремительно, в несколько раз в каждом новом поколении по сравнению с предыдущим. Как следствие, уменьшилось количество литераторов, потом их не стало совсем — люди перестали писать. Филологи продержались на сотню лет дольше — за счёт написанного за двадцать предыдущих веков.

Андрей Петрович замолчал, утёр рукой вспотевший вдруг лоб. — Мне нелегко об этом говорить, — сказал он наконец. — Я осознаю, что процесс закономерный. Литература умерла потому, что не ужилась с прогрессом. Но вот дети, вы понимаете... Дети! Литература была тем, что формировало умы. Особенно поэзия. Тем, что определяло внутренний мир человека, его духовность. Дети растут бездуховными, вот что страшно, вот что ужасно, Максим!

— Я сам пришёл к такому выводу, Андрей Петрович. И именно поэтому обратился к вам.

— У вас есть дети?

— Да, — Максим замялся. — Двое. Павлик и Анечка, погодки. Андрей Петрович, мне нужны лишь азы. Я найду литературу в сети, буду читать. Мне лишь надо знать что. И на что делать упор. Вы научите меня?

— Да, — сказал Андрей Петрович твёрдо. — Научу. Он поднялся, скрестил на груди руки, сосредоточился.

— Пастернак, — сказал он торжественно. — Мело, мело по всей земле, во все пределы. Свеча горела на столе, свеча горела... — Вы придёте завтра, Максим? — стараясь унять дрожь в голосе, спросил Андрей Петрович.

— Непременно. Только вот... Знаете, я работаю управляющим у состоятельной семейной пары. Веду хозяйство, дела, подбиваю счета. У меня невысокая зарплата. Но я, — Максим обвёл глазами помещение, — могу приносить продукты. Кое-какие вещи, возможно, бытовую технику. В счёт оплаты. Вас устроит?

Андрей Петрович невольно покраснел. Его бы устроило и задаром.

— Конечно, Максим, — сказал он. — Спасибо. Жду вас завтра. — Литература — это не только о чём написано, — говорил Андрей Петрович, расхаживая по комнате. — Это ещё и как написано. Язык, Максим, тот самый инструмент, которым пользовались великие писатели и поэты. Вот послушайте. Максим сосредоточенно слушал. Казалось, он старается запомнить, заучить речь преподавателя наизусть.

— Пушкин, — говорил Андрей Петрович и начинал декламировать.

«Таврида», «Анчар», «Евгений Онегин».

Лермонтов «Мцыри».

Баратынский, Есенин, Маяковский, Блок, Бальмонт, Ахматова, Гумилёв, Мандельштам, Высоцкий...

Максим слушал.

— Не устали? — спрашивал Андрей Петрович.

— Нет-нет, что вы. Продолжайте, пожалуйста. День сменялся новым. Андрей Петрович воспрянул, пробудился к жизни, в которой неожиданно появился смысл. Поэзию сменила проза, на неё времени уходило гораздо больше, но Максим оказался благодарным учеником. Схватывал он на лету. Андрей Петрович не переставал удивляться, как Максим, поначалу глухой к слову, не воспринимающий, не чувствующий вложенную в язык гармонию, с каждым днём постигал её и познавал лучше, глубже, чем в предыдущий.

Бальзак, Гюго, Мопассан, Достоевский, Тургенев, Бунин, Куприн.

Булгаков, Хемингуэй, Бабель, Ремарк, Маркес, Набоков.

Восемнадцатый век, девятнадцатый, двадцатый.

Классика, беллетристика, фантастика, детектив.

Стивенсон, Твен, Конан Дойль, Шекли, Стругацкие, Вайнеры, Жапризо.

Однажды, в среду, Максим не пришёл. Андрей Петрович всё утро промаялся в ожидании, уговаривая себя, что тот мог заболеть. Не мог, шептал внутренний голос, настырный и вздорный. Скрупулёзный педантичный Максим не мог. Он ни разу за полтора года ни на минуту не опоздал. А тут даже не позвонил. К вечеру Андрей Петрович уже не находил себе места, а ночью так и не сомкнул глаз. К десяти утра он окончательно извёлся, и когда стало ясно, что Максим не придёт опять, пошёл к видеофону.

— Номер отключён от обслуживания, — поведал механический голос. Следующие несколько дней прошли как один скверный сон. Даже любимые книги не спасали от острой тоски и вновь появившегося чувства собственной никчемности, о котором Андрей Петрович полтора года не вспоминал. Обзвонить больницы, морги, навязчиво гудело в виске. И что спросить? Или о ком? Не поступал ли некий Максим, лет под тридцать, извините, фамилию не знаю? Андрей Петрович выбрался из дома наружу, когда находиться в четырёх стенах стало больше нелегко.

— А, Петрович! — приветствовал старик Нефёдов, сосед снизу. — Давно не виделись. А чего не выходишь, стыдишься, что ли? Так ты же вроде ни при чём.

— В каком смысле стыжусь? — оторопел Андрей Петрович.

— Ну, что этого, твоего, — Нефёдов провёл ребром ладони по горлу. — Который к тебе ходил. Я всё думал, чего Петрович на старости лет с этой публикой связался.

— Вы о чём? — у Андрея Петровича похолодело внутри. — С какой публикой?

— Известно с какой. Я этих голубчиков сразу вижу. Тридцать лет, считай, с ними отработал.

— С кем с ними-то? — взмолился Андрей Петрович. — О чём вы вообще говорите?

— Ты что ж, в самом деле не знаешь? — всполошился Нефёдов. — Новости посмотри, об этом повсюду трубят. Андрей Петрович не помнил, как добрался до лифта. Поднялся на четырнадцатый, трясущимися руками нашарил в кармане ключ. С пятой попытки отворил, просеменил к компьютеру, подключился к сети, пролистал ленту новостей.

Сердце внезапно зашлось от боли. С фотографии смотрел Максим, строчки курсива под снимком расплывались перед глазами. «Уличён хозяевами, — с трудом сфокусировав зрение, считывал с экрана Андрей Петрович, — в хищении продуктов питания, предметов одежды и бытовой техники. Домашний робот-гувернёр, серия ДРГ-439К. Дефект управляющей программы. Заявил, что самостоятельно пришёл к выводу о детской бездуховности, с которой решил бороться. Самовольно обучал детей предметам вне школьной программы. От хозяев свою деятельность скрывал. Изъят из обращения... По факту утилизирован.... Обществом обеспокоено проявлением... Выпускающая фирма готова понести... Специально созданный комитет постановил...». Андрей Петрович поднялся. На негнувшихся ногах прошагал на кухню. Открыл буфет, на нижней полке стояла принесённая Максимом в счёт оплаты за обучение початая бутылка коньяка. Андрей Петрович сорвал пробку, заозирался в поисках стакана. Не нашёл и рванул из горла. Закашлялся, выронив бутылку, отшатнулся к стене. Колени подломились, Андрей Петрович тяжело опустился на пол. Коту под хвост, пришла итоговая мысль. Всё коту под хвост. Всё это время он обучал робота. Бездушную, дефективную железяку. Вложил в неё всё, что есть. Всё, ради чего только стоит жить. Всё, ради чего он жил. Андрей Петрович, превозмогая ухватившую за сердце боль, поднялся. Протасился к окну, наглухо завернул фрамугу. Теперь газовая плита. Открыть конфорки и полчаса подождать. И всё. Звонок в дверь застал его на полпути к плите. Андрей Петрович, стиснув зубы, двинулся открывать. На пороге стояли двое детей. Мальчик лет десяти. И девочка на год-другой младше.

— Вы даёте уроки литературы? — глядя из-под падающей на глаза чёлки, спросила девочка.

— Что? — Андрей Петрович опешил. — Вы кто?

— Я Павлик, — сделал шаг вперёд мальчик. — Это Анечка, моя сестра. Мы от Макса.

— От... От кого?!

— От Макса, — упрямо повторил мальчик. — Он велел передать. Перед тем, как он... как его... — Мело, мело по всей земле во все пределы! — звонко выкрикнула вдруг девочка.

Андрей Петрович схватился за сердце, судорожно глотая, запихал, затолкал его обратно в грудную клетку.

— Ты шутишь? — тихо, едва слышно выговорил он. — Свеча горела на столе, свеча горела, — твёрдо произнёс мальчик.

— Это он велел передать, Макс. Вы будете нас учить?

Андрей Петрович, цепляясь за дверной косяк, шагнул назад.

— Боже мой, — сказал он. — Входите. Входите, дети.

Сегодня мы поговорим в нашей постоянной рубрике ПРО ОГЭ И ЕГЭ о спорной теме легкости и сложности наук, изучающихся в школе.

ПРО ОГЭ И ЕГЭ

Какой предмет легче всего? Какой экзамен написать быстро?

Да никакой.

Здесь многие возразят и приведут в пример такие прекрасные науки, как биологию, географию, обществознание, даже историю. И они будут правы.

Но почему так происходит?

Многие характеризуют биологию, географию и обществознание как самые легкие предметы для сдачи экзамена, а самыми сложными считают иностранные языки, историю, литературу и математику. Эти люди придерживаются неверной точки зрения. Любая наука сложна. А легкость или сложность предмета зависит от индивидуальных черт ученика. Это не значит, что если какой-то предмет кажется сложным и непонятным, стоит остановиться и выбрать что-то «легче».

Подведем итог.

Биология – нелегкий предмет;

Готовиться нужно к каждому экзамену;

Не стоит отказываться от мечты, если что-то кажется сложным.

Стойкость и упорство – это залог успеха.

У ТЕБЯ
всё получится!

День Учителя – это праздник дорогих тебе людей, к которым ты привязан и даже полюбил.

Учитель – слово, которое у каждого ассоциируется с самым первым учителем. Но учитель – не просто работник школы, а человек, который тебе дорог, он открывает перед тобой мир нового, необъятного, захватывающего.

День Учителя – наверное, самый известный профессиональный праздник в нашей стране.

Раньше он всегда отмечался в первое воскресенье октября, но с 1994 года за Днем Учителя «закрепили» постоянную дату – 5 октября, когда этот праздник отмечают более чем в ста странах мира.

Однако есть государства, в которых дата праздника отличается от общепринятой. Так в Аргентине в память Доминго Фаустино Сармьенто, «наставника Латинской Америки», праздник отмечается 11 сентября, а в Тайвани 28 сентября — в день рождения Конфуция.

5 октября все мировое сообщество отмечает Всемирный День Учителя. Праздник строгих и ласковых, терпеливых и чутких, праздник мудрых наставников и добрых друзей. Воспоминания о школе, об образе уважаемого учителя сопровождают каждого из нас на протяжении всей жизни, побуждают только к добрым поступкам, служат опорой в трудную минуту.

Торжественно встретили этот день в Ольгинской школе. Здесь царил праздничная атмосфера. С утра учителя принимали поздравления от учеников и их родителей. Везде были видны красивые букеты цветов. Вся школа состояла из улыбок! Улыбались учителя, улыбались ребята, улыбались родители, улыбался каждый уголок здания школы.

После уроков в школе состоялся праздничный концерт. Звучали песни, стихи, демонстрировались театральные миниатюры.

Никто из педагогов в этот день не остался без внимания. Особые слова благодарности были адресованы ветеранам педагогического труда.

У каждого остаются свои воспоминания о школьных годах, поэтому хорошо, что есть такой праздник, когда каждый может поздравить своего любимого учителя, высказать слова любви и признательности.

Газета «Школьная страна» выходит один раз в месяц с сентября 2008 года.

Главный редактор – Иванова Ольга.

Вице-редактор – Ширяева Дарья.

Руководитель проекта – Е.А.Хохрина

Творческий коллектив редакции школьной газеты «Школьная страна»:

Семёнов Сергей, Тихонова Дарья, Веденков Артём, Трофимов Леонид, Ширяева Дарья, Филатова Юлия, Колмыков Марат.